

Сердце зимы

ХЕЛЕНА ХЕЙЛ

18+

Хелена Хейл
Сердце зимы

«Автор»

2024

Хейл Х.

Сердце зимы / Х. Хейл — «Автор», 2024

Агата Вся моя жизнь крутится вокруг скота, хозяйства, и дедушки, за которым мне необходимо ухаживать. И я готова была посвятить дедушки остаток жизни, не думая о своем будущем. Пока мне на голову (буквально) не свалился этот странный парень, Даня. Удастся ли ему растопить мое сердце, покрытое коркой неприступного льда после ухода матери? Даня Я чуть не совершил катастрофический поступок, но ей удалось меня спасти. Этот светловолосый ангел - реальность или видение? Случай столкнул нас не просто так, в этом я уверен наверняка. Колючая, холодная, Агата старается избегать меня, но меня слишком сильно тянет к ней. Только ей удалось отвлечь меня от горя. Но что будет с нами, когда лето закончится? Виталик Я любил её всю жизнь. Я люблю её сейчас. Я буду любить её вечно. И я никому её не отдам.

© Хейл Х., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Плейлист	6
Часть 1	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Хелена Хейл Сердце зимы

Посвящается моим читателям.

Спасибо за вашу поддержку!

А также моему сыну, который родился

В самом сердце зимы.

Плейлист

Сергей Григорьевич Беликов – «Снится мне деревня»

Mnogoznaal – «Девятины»

J.Cole feat. Amber Coffman & Cults – «She Knows»

3OH!3 – «Starstruck»

Limp Bizkit – «Behind Blue Eyes»

Nelly Furtado feat. Timbaland – Promiscuous

Uniting Nations – «Out Of Touch»

Skillet – «Whispers in the Dark»

Михаил Круг – «Кольщик»

Wham! – «Last Christmas»

The Neighbourhood – «The Beach»

Pusha T feat. Miguel – «Sure Thing»

Три дня дождя – «Прощание»

Coldplay – «Yellow»

Часть 1

*«Детская любовь – вот мой подарок,
Другого – мне не нужно.
Другую любовь я бы так не берег,
И ничто не могло бы оправдать моего отношения.»*
Placebo – «Every Me And Every You»

Глава 1

Агата

15 июля 2030 года, деревня

Итак, день не задался с самого начала. Стояла невыносимая жара, но я все-таки обошла весь наш небогатый скот, покормила, напоила животных, вляпалась в коровью лепеху, а пока отмывала шлепанцы у колонки, меня ужалила оса прямо в плечо! После укуса я в бешенстве металась по участку, чтобы задавить злодейку, но та успела свинтить, а я, с перепутанными волосами и коровьим амбре, пошла в курятник за яйцами. Прихватила корзину, тихонько открыла дверь, чтобы не перепугать наседок, и поздоровалась с каждой из семи куриц.

Полную корзину яиц я спрятала на кухне, но, чтобы сделать омлет, нужно было нарвать петрушки с кинзой и пару помидоров. Так он получался сочнее. Пришлось снова выйти из прохладного дома под солнечное пекло. Настроение у меня уже было убийственное. Я шла с сжатыми в кулаки руками и с такой силой дергала зелень, что та вылетала с корнями. Вдох-выдох.

– Агата, успокойся. – сказала я себе, схватила миску с зеленью и овощами и пошла к колонке.

Ледяная вода брызнула на босые, перепачканные землей ноги, и я издала стон блаженства. Омлет можно готовить на раскаленном булжнике в саду! Вернувшись в дом, я вытерла пот со лба, сполоснула руки под ржавой водой, и принялась готовить. Стоять у газовой плиты было все равно что у ворот ада, но в последний раз я ела вчера днем, и живот настойчиво скручивал меня в узелок, требуя еды.

Я слышала храп дедушки из чулана – его петухи уже давно не понимали. Что там, его не понимал соседский трактор и комбайн. Он мог спать пятнадцать часов к ряду. Семь лет назад рядом с нашим домом упал снаряд, выбив все окна, повредив фасад и крышу, а дедушку приковал к инвалидному креслу. И он оглох на одно ухо.

В тот день мне посчастливилось отправиться в погреб за соленьями, был разгар семейного застолья, и гостям приспичило закусить маринованными лисичками. С тех пор думать не могу о лисичках.

Я все равно сделала две порции омлета с горкой, дедушка проснется голодным. Волосы липли к плечам, спине, лбу, и я в сотый раз поклялась обкорнать их до ушей! Поставив на соседнюю конфорку чайник, я нарезала рулет с вареной сгущенкой – свежак, купила вчера у тети Светы в ларьке, – и поставила в центр стола. Чайник оглушительно засвистел, и я быстро подхватила его с плиты и ошпарилась.

– Что за день такой, е мое! – пробурчала и налила чай.

Воздушный омет и сладкий, пропитанный рулет меня немного утешили. Обеденный стол, покрытый белой клеенкой, располагался прямо у деревянного окна с видом на задний двор – яблони, кусты крыжовника, разгуливающие утки и петухи. Окно было открыто, поэтому я закрыла глаза, наслаждаясь какофонией привычных звуков: плеском рыб в пруду, кваканьем лягушек, шорохом шагов цапли и трелью скопы. Отхлебнув чай, я поднялась наверх и заплела волосы в косы, решая, чем сегодня заняться.

Встретиться с ребятами? Или почитать под ивой у пруда? Глядишь, и цапля объявится снова.

Наш дом находился на отшибе деревни, до ближайших соседей нужно было преодолеть участок поля и три оврага. Но я не сильно их жаловала, поэтому радовалась уединенному расположению. Периодически их коровы объявлялись на нашем поле, и поздним вечером я помогала им найти дорогу домой.

Когда мне исполнилось четыре года, – так рассказывал дедушка, – Игорь Владимирович Титов построил огромный завод близ левой стороны деревни и подарил две сотни рабочих мест жителям окрестностей. Семь лет назад его чуть не уничтожили, но в итоге обвалилась только незначительная часть отсека с хранилищем, который быстро подлатали, и производство запустилось, словно никакого взрыва и не было. Благодаря Титову в деревню вернулись семьи, в ней снова закипела жизнь, но ненадолго. Инфраструктура разрастается, и многие едут за комфортом, деньгами, успехом и карьерой в большие города.

Когда наша деревня попала под обстрел в последний раз, – к тому времени дедушка выехал из больницы в инвалидном кресле, – погиб мой отец, а мать сбежала ещё во время первых нападений. Дедушка у меня по папиной линии, и остался бы один, если бы не я. Я не жалею, мы живем *нормально*. У нас есть скот и огород, а значит есть еда и возможность заработать на продаже продуктов и урожая.

Никто не обращался в органы опеки. По документам мать остается моей матерью официально, но не фактически. Я могла бы долго описывать свое разочарование и потрясение её поступком, но уже переросла эти чувства. Пролила достаточно слез. С помощью ребят, которые проводили каникулы в деревне, я нашла её в социальных сетях (своего компьютера у меня не было) и завалила сообщениями, пока не попала в черный список. На её странице в Одноклассниках я увидела двойняшек примерно двух лет от роду и мужчину, к которому она сбежала. Ни одной фотографии меня или отца. Она начала новую жизнь, перечеркнув старую, вот и я вычеркнула её из своей. Я могла бы привлечь её к ответственности, но все силы и время уходило на скот, огород и дедушку, так что мать была не в приоритете.

В деревне есть школа и один единственный класс из четырех человек – меня, Виталика, Димы и Насти. Наши дома с Виталей находятся в прямо противоположных концах деревни, но это не помешало нам стать закадычными друзьями. Да и с Настей, и с Димой мы бок о бок росли, поэтому держались всегда вместе, хоть я и не располагала свободным временем для гулянок – в любой момент могла понадобиться дедушке.

Вот и сегодня я решила не уходить далеко от дома, а почитать у пруда. Ближе к Курску находились крупные супермаркеты, магазины одежды и книг, раз в несколько месяцев я выезжала туда в компании Настиного папы, чтобы закупиться, и обязательно выбирала несколько книг, чтобы хватило надолго. Обычно я читала фэнтези или детективы, но что-то стукнуло в моей дурной подростковой голове, и я выбрала «Вопреки и навсегда» Элис Кларк, острозащитный любовный роман, от накала страстей в котором даже у меня, холодной и сдержанной, волосы на руках вставали дыбом.

В тени ивы, рядом с водоемом, жара не ощущалась. Я расправила зеленое льняное платье, села на траву и оперлась на ствол дерева. За чтением под размеренное «у-уу-у» горлицы пролетел час, из леса показалась лиса, но увидев меня, испугалась и ускользнула обратно в чащу.

– Нечего тут бродить! Опять кур не досчитаю! – крикнула ей вслед я.

Мне было всего пятнадцать лет, а разговаривала я точно семидесятилетняя соседка баба Маша. Издержки жизни в деревне. При жизни отец успел купить нам два огромных современных телевизора и настроить кабельное телевидение, так что у меня была возможность смотреть современные фильмы и знать, как принято общаться в больших городах. Но не буду же я разговаривать с лисицей в тоне: «Прошу прощения, уважаемая лиса, не могли бы вы не есть моих кур на завтрак, обед и ужин, иначе мы с дедушкой будем жить впроголодь?».

Я в деревне. И у меня свой язык общения с природой.

Вложив в качестве закладки засохшую ромашку, я закрыла книгу и вернулась в дом.

– Дедуля! – позвала я из сенцев.

– Агата, дочка, налей чайку, будь другом! – послышалось из чулана.

Заскрипел пол, пока я заваривала деду чай, он въехал в кухню и устроился за столом. В подержанной микроволновке я погрела омлет и сняла крышку с рулета.

– Приятного аппетита! Как сегодня себя чувствуешь?

– Не дожدهшься, – звеня согласными ответил он и зашелся смехом. – Да ничего, Агачка, жив и то хорошо. Наверное.

– Что за «наверное»? – возмутилась я, присаживаясь рядом на табуретку.

– Девочка моя, я хоть и старый, но не глупый. Я держу тебя здесь, в этом доме, а если снова и заведу разговор о том, чтобы ты уехала после школы, так ты меня отчитаешь! Пока я не отъеду, ты пленница этих земель...

– Чтобы я больше не слышала этих глупостей! Какой для меня город? Какой университет?! Чему он меня научит?! Читать бумажки, которые завтра обесценятся? Втюхивать бедным семьям товары, которые сломаются на следующий день?! Нет, дедуль, не для меня это. И о тебе некому будет позаботиться.

– Я могу предложить Машке половину пенсии, она будет присматривать...

– А скот? Огород? – я уже начинала заводиться, жуть как меня бесили эти разговоры.

– Дак я продам, на поступление тебе... – серьезно ответил дед. Издевается!

– Все, разговор окончен! Давай, ешь, остынет. Какие планы на сегодня? – перевела тему я.

– Думаю доехать до Мартыныча. – Дед говорил о кузнеце Андрее Мартынове, живущем на правой стороне. – Вернее, Мартыныч заедет за мной. Съездим до Пасеки, меду купим.

– А у нас закончился что ли?

– Ага, вчера доел. – улыбнулся дед, сверкая золотым зубом.

– Ладно. Смотри, не буянь там. – наказала я.

Дедушка похлопал меня по голове, а я пошла убирать со стола. Мартыныч забрал деда через полчаса. У дедушки был кнопочный мобильный телефон, потому как пальцы его никак не попадали по нужным буквам сенсора, и носил он его в чехле. На шее.

– Дедушка, следи за телефоном. Если что – позвони. Если не отвечу, напиши сообщение. Они лучше доходят. – попросила я в сенцах.

– Ну что ж я, Агачка, младенец что ли. Давай, не скучай! – Дед сжал мою руку на прощание.

– Андрей Андреевич, день добрый! – махнула я.

Мартыныч поболтал со мной минут десять, потом дед подтолкнул его к машине, и мы вдвоем с Андреевичем посадили его на пассажирское. Я сложила коляску и забросила в багажник. Внедорожник скрылся из виду, поднимая пыль сухих дорог.

Я осмотрела участок: отпустила Розу, Фаину и Шалунью в поле, чтобы те побродили, пожевали травы и выдали завтра побольше молока. Заперла кур и петуха, двух индюшек, налила ведра у колонки и пошла варить суп. Сегодня решила сварганить щи. Через два часа набежали облака, спасая животных и людские головы от солнечного удара. Я поднялась в комнату, села за стол и расслабила мышцы, наслаждаясь тишиной.

Но тут я услышала приближение *чего-то*. Велосипед что ли? Я выглянула в окно – нет, со стороны сада никого. Послышались странные звуки – будто что-то карабкалось по дому. Выбежать? Швырнуть камень в нарушителя?! А, может, Виталик приехал?

Теперь шаги на крыше. Нет, что-то странное здесь творилось. Судя по тяжести и грохоту, по крыше разгуливала не птица, и не белка. Ходили прямо над моей головой! Я снова подошла к окну – вовремя, в то же мгновение чья-то туша повисла, едва удерживаясь за крышу. У туши этой были гипнотические, зеленые глаза, цвета сосновой хвои. Нет, все-таки больше походили на кленовые листья. Непослушные кудряшки торчали в разные стороны.

– О... – беззвучно произнесла я.

– Это разве не заброшенный дом?.. – выпалил парень.

– Вот спасибо. У нас всего лишь временные финансовые трудности. Животных не видел разве?! – Зачем-то оправдалась я и протянула руку, – Кажется, тебе нужна помощь.

Рука парня соскользнула, и я быстро перехватила его в полете.

– Закидывай ногу!

Туша ввалилась в комнату, и грязь с его ботинок осыпалась на ковер. У меня задергался глаз, но я все же была рада – лучше грязь на ковре, чем труп под окнами. Я смотрела на него, как на пришельца, скрестив руки на груди.

– Не за что.

– Ага, – кивнул странный тип и пошел на выход.

– Эй! Хотя бы представься! И благодари Бога, что моего отца нет дома, не то бы он тебе за вторжение в мою спальню накостылял хорошенько, – возмутилась я.

– Даня, – бросил он, не оборачиваясь.

– Агата. Совсем не приятно, придурок! – крикнула ему вдогонку.

Даня выбежал из дома. Я немножко затормозила, потом опомнилась и поспешила за ним, но его ноги уже крутили педали велосипеда в сторону левой стороны.

Я ведь говорила, что день не задался с самого начала. А такие дни, как известно, часто меняют направление жизни в самую неожиданную сторону.

Глава 2

Даня

15 июля 2030 года, деревня

Десятью минутами позже

– Идиот. Господи, беспросветный идиот! – обзывал себя я, теплый ветер уносил слова раньше, чем они доносились до моих ушей. Я ехал так быстро, как только мог, и уже через два оврага перестал чувствовать икры – их свело от напряжения.

Как я вернусь домой после этого позора?!

Спокойно. Никто, кроме этой девчонки меня не видел. И вообще, может, и она мне почувствовалась от страха. Её длинные светлые волосы и стеклянные глаза вполне подошли бы классическому призраку из легенды о какой-нибудь заброшке. Но она говорила со мной, в конце концов, не мог же я лишиться разума из-за потери отца?

На левой стороне ещё три недели назад была вереница автомобилей вдоль погнутых заборов. Родственники со всех городов приехали попрощаться с отцом. Чтобы вывести меня из себя своими причитаниями и деланным страданием. Все эти сопли и слюни, «он был настоящим героем!». Тьфу! Лицемеры!

Через неделю после похорон разъехались все, кроме самого близкого круга нашей семьи. Бабушка Регина и бабушка Олеся стали почти весь год проводить в деревне, и с тех пор мы с мамой, отцом и Сашкой приезжали сюда на несколько каникулярных недель. Мама разрешала мне оставаться у любой из бабушек, а сама предпочла эти недели провести у дедушки Игоря, с бабушкой Региной. То есть в деревенском доме отца.

Низкие ветви берез хлестали меня по лицу, но я не уворачивался – пусть хотя бы природа даст мне затрепанных и вернет в чувство. Как я посмотрю в глаза матери? А Сашке? Если бы я не удержался... если бы она не протянула свою тонкую, слишком сильную для девчонки руку... Я встряхнул головой, отбросив видение призрачной красавицы, и влетел в резкий поворот к левой стороне деревни. Оставался примерно километр до дома деда Игоря.

К концу поездки ноги задеревенели настолько, что, прикрепив к забору велосипед с помощью защитной цепи, я упал на траву, чтобы отдышаться.

– О! Блудный сын! – воскликнул дядя Вова. – Мама тебя искала, нужно бабушке Олеся на картофельном поле помочь.

Я вырвал траву с корнем и швырнул подальше, выражая радость предстоящей пытке в поле под палящим солнцем в компании колорадских жуков.

– Где был-то? Ребята все здесь, говорят, ты хотел в одиночестве покататься.

Дядя Вова в ярко-синих шортах и растянутой серой футболке сел рядом со мной. Плохой знак – сейчас начнется речь в поддержку моего скорбного состояния. Мой крестный отец каждый раз, когда намеревался посвятить меня в какие-нибудь глубокие мысли, долго пыхтел и хрустел пальцами, прежде чем начать разговор. То ли боялся, что я психану, вскочу и убегу, то ли сам не знал, как правильно выразить свои мысли.

– Дань, я понимаю, тебе тяжело, – вот и включилась шарманка. – даже невыносимо. Я горжусь тем, как стойко ты переносишь уход Алика и... ты только не держи в себе, ладно? Мы здесь, всегда рядом и готовы поддержать. А если вдруг ты стыдишься слез, то всегда можешь выдернуть меня из компании, мы с тобой обо всем поговорим, и ты сможешь дать волю эмоциям.

– Дядь Вов, все нормально, правда. Я справляюсь. – соврал я, лишь бы этот неловкий разговор скорее закончился. – Где мама?

– В доме, с Аней и Миленой. Сашка с бабушкой в саду, поливают растения.

– Ладно, спасибо, дядь Вов. Пойду в дом. – я пожал ему руку и поковылял к дому, ноги все ещё не разгибались.

Дом бабушки Игоря разительно отличался от домов маминых родственников. Он больше напоминал коттедж: красный кирпич, три этажа, огромная терраса на втором этаже, где в теплые летние дни мы всей семьей садились ужинать. Пластиковые окна, москитные сетки, а не десять клейких лент, облепленных плененными мухами и комарами. Бабушка даже интернет сюда провел, но в деревне было столько работы, что дольше часа за компьютером не посидишь – выгонят лопатой.

На первом этаже была огромная прихожая, стены которой заставлены шкапами – все ненужное и нужное барахло хранилось в них, а дальше мастерская да ванная комната. На втором – широкий зал с тремя диванами и подвешенной плазмой, а также кухня и выход на террасу. На третьем – комнаты.

Я застал маму в обнимку с подругами и махровыми подушками в гостиной. Они смотрели какой-то древний сериал, который, по-моему, крутили примерно в миллионный раз – что-то о трех сестрах-ведьмах с ужасными киноэффектами. Тетя Милена была беременна первым ребенком и напоминала большой спелый арбуз. Подруги были так увлечены сериалом, что не заметили моего прихода, и я задержался на лестнице, чтобы оценить состояние мамы: глаза красные, лицо бледное, но взгляд спокойный, носом не хлюпает, иногда даже улыбается комментариям подруг.

Свои пепельные волосы она обстригла под каре, очень сильно похудела, и теперь васильковый сарафан, который был в пору прошлым летом, сильно топорщился в области талии. Я знал, она держится ради нас с Сашей, но ночами слышал тихие рыдания, доносившиеся из её комнаты.

Я кашлянул, испортив идиллию.

– О, Данька! Запрыгивай! – хлопнула тетя Аня по месту рядом с собой.

– Погоди, сгоняй за мороженым, Дань, и прихвати свежую малинку. – попросила, – хотя, скорее приказала, – тетя Милена.

Мама встрепенулась, увидев меня.

– Дань, как дела? Где ты был? Мы уже торт праздничный надкусили, если что, стоит в холодильнике. – Мама в этом году всем пригрозила, чтобы не устраивали ей сюрпризов на день рождения. Она не могла найти место празднику, когда в душе свербело горе.

– Сейчас, принесу мороженое... – вернувшись с кухни и вручив Милене её порцию удобрений, я сел рядом с мамой. – Дядя Вова передал, что бабушке нужна помощь.

– Да, зайка, сходишь? – мама пригладила мне волосы и крепко обняла. – Я тебя очень люблю, ты же знаешь?

– Господи, Гайка, все мы это знаем. Отстань от парня, ему ещё в поле горбатиться. – завела Милена.

– Захвати с собой Соню с Пашей, пусть подсобят. Потом зайдете к моей маме за морковкой и свободны. – предложила тетя Аня.

– А они где?

– Были в бассейне, сходи на двор.

Я повиновался. Когда трое подружек в сборе – я в меньшинстве, поэтому обычно веду себя прилежно и послушно. Их нападки пострашнее папиного громогласного ора.

– Дань, – мама потянула меня за руку. – поговорим вечером, хорошо?

Мама явно что-то заподозрила. Вся жизнь так – любой косяк унюхает, даже если никаких доказательств не увидит.

– Конечно. До вечера!

– Вернитесь до полуночи, пожалуйста! – крикнули вслед мама с Аней.

На заднем дворе, у беседки, стоял высокий бассейн. Из него вылетали всплески воды и слышались крики. Я стянул футболку, залез по боковой лестнице и нырнул бомбочкой.

– Красильников, блин! – пробубнила Соня, вытирая обрызганное лицо. – Где ты был?

– Как раз хотел у вас спросить, вы были когда-нибудь на отшибе в той стороне? – я указал пальцем за лес.

Пашок отрицательно покачал головой, Соня подхватила. Двойняшки, копии дяди Миши, кинули мне одноместный матрац, на который я облокотился. Пашка побрился под троечку, и теперь черные волосы торчали ежиком на голове. Соня, которой от матери только светлые глаза достались, собрала густые темные волосы в пучок.

– Там вроде заброшенные дома, разве нет? – Спросил Паша.

– Я видел там... видел девчонку. – признался я.

– Может, показалось? Мы же в деревне. По рассказам дяди Андрея тут тьма всякой нечисти. Например, две Кристины...

– Нет, Сонь, я её не просто видел, но и трогал. – попытался объяснить я.

– Э-э... – протянул Паша, округлив глаза, – ну, брат, я бы попросил тебя при моей сестре...

– Господи, Добрыдени! Да не в этом смысле! Она помогла мне, когда я... – я кашлянул, на ходу выдумывая, – упал с велосипеда.

– Хорошо, мы поняли. И что?

– Может, как-нибудь сгоняем туда все вместе?

– Ты лучше у бабушки спроси, она точно всех знает. И из соседних поселков тоже. – предложила Соня. А что, умно!

Уговорив двойняшек пойти со мной на огород, я переобулся в кроксы. Дядя Миша подарил Паше на четырнадцать лет мопед, чтобы тот рассекал по деревне, и Пашка предложил поехать на нем. Соня, которая брату свою жизнь не доверила, взяла велосипед. Когда мы приехали на правую сторону, солнце приближалось к горизонту. Хоть здесь повезло – жары не будет.

Бабушка Олеся выдала нам по лопате и ведру, наказав собрать три полных ведра, а совсем мелкие картофелины оставить в земле. К нам присоединились Наташа и Кирилл – дети четы Кузнецовых, единственные, кто были старше меня: Наташке было девятнадцать, а Кирюхе – почти восемнадцать.

Наташка очень напоминала дядю Степу, особенно фигурой. Массивная, широкая, она зачем-то обрезала русые волосы, и квадратная форма её лица ещё сильнее стала бросаться в глаза. Но нам-то что до её внешности? Мы её обожали и воспринимали как мудрую старшую сестру. А вот Кирюха пошел в Машу – смазливый, худой, уже забился татуировками, светлые волосы отрастил до плеч.

Вместе мы управились за двадцать минут, чем вызвали у бабушки Олеси негодование – она тут же придумала нам ещё несколько занятий, чтобы не расслаблялись. Мы с Кирюхой нарубили и перетасили дрова к печке, Машка с Соней помогли бабушке с лепкой пельменей, а Пашку бабушка почему-то не сильно возлюбила – ему пришлось вымыть корыта у свиней и навалить им еды.

– Ой, детки, спасибо! Что б я без вас делала! А что б вы делали без меня? Небось блуждали бы по лесам, пока какая-нибудь бешеная лисица за задницу не ухватила. – предположила бабушка. – Вижу, вижу, хотите уже свинтить. Идите! Дань, а ты с Сашкой ко мне когда на ночь придешь?

– Давай завтра, ба?

– Буду ждать. Зря что ли пельменей налепила! Даня, – бабушка подозвала меня пальцем, – а мать в курсе, что ты на мопеде рассекаешь?

– Ба-а-а-а! – застонал я.

– Ага! Кто тебя из канавы переломанного потом вытаскивать будет?! – прошипела бабушка. – Ведьмы у нас перевелись, пока скорая сюда приедет, ты уже на тот свет отправишься!

– Ба, да брось, Паша едет, как черепаха. Здесь столько кочек, что не разгонишься. Не переживай. До завтра!

Если бабушка Олеся и горевала об уходе моего отца, то виду не показывала. Она помогала во всем и забрала нас на несколько дней, чтобы дать бабушке Регине и маме пережить горе, но сама об автокатастрофе и словом не обмолвилась. Шпыняла нас по дому, пока мы с Сашкой его до блеска не натерли, да кормила до отвала. А ночью как заведет свое любимое стихотворение – «Утопленник», так хоть в шкафу на ночь запирайся.

– Оно перешло мне по наследству, дети, от вашей прапрабабушки. Слушайте внимательно... – говорила бабушка Олеся.

Бабушка Олеся категорически отстояла сохранить дом на правой стороне в старом виде, позволила только снести уличный туалет и провести канализацию в дом, отстроив кусочек сенцев под ванную. Но мне нравился старинный флер этого дома, и я никогда не брезговал здесь спать – наоборот. Сашке было все равно на удобства, она обожала бабушку.

Пашка сел за руль, я пристроился сзади, ухватившись за багажник, и мы покатали к бабе Лене – бабушке двойняшек.

Дедушка мечтал сделать в деревне нормальные, асфальтированные дороги, но обстоятельства сложились иначе – начался обстрел области, и многие дела дедушка Игорь отложил, сконцентрировав внимание на заводе. После завода он открыл птицефабрику, надеялся, что отец уйдет с опасной работы и откроет молочный комбинат. Теперь дед пытался подначить меня взять на себя бразды правления, а я мечтал пойти по стопам отца. Теперь уж точно.

У бабушки Лены мы забрали морковь и несколько пучков зеленого лука, после чего решили разехаться по домам – чем раньше приедем, тем спокойнее будут родители. А завтра мы планировали съездить на Пасеку.

Я не совсем понимал, почему все продолжают жить в привычном ритме. Три недели назад мне казалось, что земля остановилась и перестала вращаться, а вместе с ней замерли и спутники, и солнце перестало греть. И вот я снова на огороде, а завтра буду проводить время с ребятами на речке. Правильно ли это? Не знаю. Но то, что чуть не произошло днем – точно было ошибкой. Глупейшей ошибкой. Если мама способна быть сильной ради нас, то кто, если не я, единственный мужчина в семье, должен взять на себя ответственность за неё и Сашу и оберегать?

Да, беспросветный идиот.

Я знал одно – если отец видит меня, то счастлив, что я жив. Он бы велел присматривать за мамой и Сашей, и никогда не осудил бы меня за то, что я пытаюсь продолжить жить.

Пашка добросил меня до бабушки Регины. Все друзья разошлись, и перед сном я решил зайти к маме.

– Даня? – спросила она, услышав мои шаги у двери. – Заходи скорее, Сашка уже спит.

– Привет, мам. – я снова быстро осмотрел её на следы слез или бичевания, но она выглядела свежо. Разве что сонно и устало.

– Давай, садись. – Мама подвинулась, выключила основной свет и включила ночник. – Вижу, что-то тебя беспокоит. Что такое?

– Я сегодня видел девушку. – с мамой всегда было легко говорить, так что я без стеснения все поведал. – в доме на отшибе. Я был уверен, что там заброшенные дома! Её зовут Агата. Ты не слышала о такой? Или, может, о её семье?

Мама призадумалась, закусив губу.

– Я знаю, что там неподалеку живет Андрей Мартынов, кузнец. Хочешь, узнаю у него? Или спроси у дедушки Игоря, он точно знает. А что Агата? – мама пыталась скрыть улыбку, но не вышло.

– Она... – как бы покрасивее соврать?! – Помогла мне. Я свалился в овраг, и она вытащила меня. Но я был уверен, что там никто не живет, потому немного испугался.

Мама приподнялась и глаза её наполнились влагой. Что я сказал не так?!

– Однажды и я спасла твоего папу, Дань, знаешь? Он висел на обрыве. Помнишь узкую тропу к плотине? Там ещё совсем тонкие деревья растут.

– Конечно. Мы с ребятами зовем её «Тропой Смерти».

Мама хихикнула, и я сразу оживился.

– Вот там он и повис. – мама посмотрела куда-то в сторону и улыбнулась. Перед её глазами сейчас не было комнаты, она видела отца. – Так и что Агата? Красивая?

– Ну... э-э-э... – замялся я. – Да. Очень.

– Подружись с ней, чего тебе стоит? – подбодрила мама. – Может, она ещё и хорошая.

– Спасибо, мам. Я не хочу спрашивать деда, сможешь это сделать для меня?

– Конечно, солнышко, без проблем. Ладно, значит, глаза у тебя днем бегали из-за Агаты. – Мама громко выдохнула. – Иди к себе.

– Спокойной ночи, мам. С днем рождения. – улыбнулся я и вышел.

В комнате было ужасно душно, я направил вентилятор на лицо, но так и не смог уснуть – ворочался и поглядывал на звезды через открытое окно.

Закрывая глаза, видел её лицо, волосы и зеленый сарафан. Даже во сне она не отпустила меня – я гонялся за зеленым подолом её юбки среди кукурузового поля, но так и не догнал.

Глава 3

Агата

16 июля 2030 года, деревня, плиты

Каждые две минуты я била пальцем по экрану телефона, чтобы проверить, не звонил ли дедушка. Хоть и знала, что он даже если распластается посреди огорода, скорее съест собственный палец, чем позвонит мне, и будет усердно пытаться вернуться в кресло и действовать самостоятельно.

Мы с ребятами сидели на раскаленных бетонных плитах. В джинсовых шортах задница особенно горела. Плиты, которые давным-давно оставили после попытки выложить дорогу, находились ближе к пруду и правой стороне деревни. Я держала в руках шесть карт и пыталась решить, чем лучше пойти – сбегать шестерки или завалить Бозину козырями. Парни из игры уже вышли, а у моей противницы осталось всего три карты.

– Что-то ты на себя не похожа сегодня. – заявил Дима. Я удостоила его грозным взглядом.

Я все же решила избавиться от двух шестерок, одну из них Бозина покрыть не смогла. Фух. Победа не за горами, буби ей крыть нечем.

– Какие у нас планы? Я сейчас сдохну на этом горячем бетоне, клянусь. – вздохнула Настя, убирая мелированные волосы за уши.

В прохладные деньки мы всегда торчали на плитах. Но в жару здесь не было даже намека на тенёк. Плиты были наложены ярусами, и на верхних «этажах» было удобно прятаться от гусей.

– Может, искупаемся? – предложила я.

– Давайте. Мы с Димоном захватим скутеры и поедem. – кивнул Виталя.

– Мы вас с Настей тут подождem.

Виталик улыбнулся мне кривоzubой, дружелюбной улыбкой. Достал пачку сигарет, прикурил, поделился с Димоном и предложил нам. Мы с Настей отказались. Виталику казалось, что с сигаретой в зубах он выглядел крутым, таким героем из кино-франшизы «Неудержимые», но на деле эффект был обратный.

В целом, по меркам общества, Виталик считался ни рыбой, ни мясом. Вроде красивые светлые волосы, большие карие глаза, рост ого-го, но вот нос и зубы его подвели, да и фигура – жилистая, сразу ясно, если намеренно не станет набирать массу, останется дрыщом.

Димка же был прехорошенький, но слишком уж милый. Пухлощекий, голубоглазый, невысокий и нерасторопный.

Покуривая, вразвалочку парни пошли по домам за своими транспортными средствами, а мы с Настей, преодолевая жар плит, легли на спины и уставились на небо. Облака сегодня казались карикатурными, словно кто-то слепил их из ваты и повесил на веревочки – так низко плыли они. В детстве я верила, что на облако можно прилететь и посидеть на нем. Даже мечтала запрыгнуть на вертолет и выпрыгнуть на облако с вещами, да пожить там месяцок-другой. Когда умер отец я решила, что он там, на облаке, видит меня и машет каждый раз, когда я поднимаю взор к небу. Теперь я знала, что облака – всего лишь часть в цикле воды, которая испарится. Такие же недолговечные, как счастье или жизнь.

– Смотри, это в форме сердца! – показала пальцем на облако Настя.

Я всю эту романтику не воспринимала, да и фантазия у меня была что у дуба – никакая, но облако и впрямь напоминало сердце. Мысли мои вернулись во вчерашний день, как бы я не пыталась их прогнать. Лицо того парня, его наглость и внезапное появление – я думала о нем всю ночь, но так ничего и не придумала. С кем не бывает? Каждый день ведь в чьем-то окне объявляется интересный персонаж.

– Агат, о чем думаешь? – ещё одна. Не любила я эти разговоры по душам. Но Настя – единственная, кому я могла доверять в деревне.

– Вчера один тип свалился с моей крыши. – сказала я, и случившееся стало более реальным. Ночью казалось, что это плод моей фантазии.

Настя поднялась на локти и перекрыла своими волосами солнце, склонившись надо мной и сверля своими глазами, цвета чистотела.

– Что?!

Пришлось разъяснить.

– Хм... – Настя задумалась. – Наверное, он из тех москвичей, что на левую сторону приезжают.

Мы с Настей скорчили рожицы.

– А он... красивый? – тихо спросила она, будто кто-то кроме птиц или кротов мог услышать нас в этой глуши.

Я посмаковала её вопрос, воспроизводя образ Дани. В деревне мало было парней моего возраста или старших, в Курск я выезжала редко и ни с кем не успевала познакомиться. Единственным мужчиной, которого я считала привлекательным, был Аарон Тейлор-Джонсон, но вряд ли наши пути когда-нибудь пересекутся. Так бы я научила его жизни в деревне.

Но вот проблема – этот Даниа был чертовски похож на Джонсона.

– Не урод. – выдавила я.

– Из твоих уст прямо-таки комплимент. – хихикнула Настя. – Ой, какие у тебя сережки красивые! Ты разве их в Курске брала?

Я аж выпрямилась. Дурная голова, совсем забыла снять серьги!

Была у меня отдушина, тайное хобби, которое я лелеяла и берегла от глаз посторонних, и вот, этот Данил совсем с толку сбил! Я увлекалась эпоксидной смолой. Папа как-то закупил смолу и отвердитель, мечтал сделать красивый обеденный стол – да все, что успел, это показать мне, как правильно её разводить на примере небольшой картинки. Даже дедушка не знал о моем занятии, хоть и постоянно возмущался неприятному аромату. Летом я работала в лесу, а в холодное время – в сарае. Создавала сережки, расчески и прочие безделушки с сушеными цветами. Например, сережки, которые на мне – кружочки-висюльки с незабудками внутри.

– Д-да, в Курсе и взяла. Ты тогда в косметическом задержалась.

– Покажи в следующий раз магазин, я тоже такие хочу! Дорогие?

– Не-е-ет. – протянула я и снова стукнула по экрану телефона – никаких сообщений.

Вдали ревели моторы скутеров – ребята возвращались. Купальников у нас с Настей не было, но в такую жару шорты с майками высохнут за несколько минут. Я запрыгнула на скутер Виталика, Настя – к Диме. И мы газанули на Пасеку.

Ожидаемо, но все равно обидно – пляж переполнен. В деревне народ вымирал, но с ближайших селений народ собирался на Пасеку стабильно каждое лето, потому что цивилизных водоемов в радиусе нескольких километров не сыскать. Виталик хорошо водил скутер, но я никогда не держалась за его талию – тактильные штучки меня пугали. Если он разгонялся, я начинала орать, а он в ответ хохотал и сбавлял скорость. К пляжу мы подъехали, подняв песок и распугав пчел.

– Блин, тарзанку заняли. – посетовала Настя, завязывая волосы в хвост.

Я прикрыла глаза рукой от солнца, чтобы разглядеть компанию, и сердце мое с силой ударило о ребра, заметив знакомую макушку. Поглубже вдохнув, я быстро отвернулась. Пальцы подрагивали.

– В очередь встанем. Не их же тарзанка. – раздражительно подметил Виталик.

– Нет! – выкрикнула я громче, чем собиралась. – Мне здесь нравится, не хочу прыгать.

И пока никто не возразил, я побежала к воде, и осторожно ступая по песчаному дну, дошла до глубины и нырнула. Теплая вода окутала меня, захватила и понесла по неспешному

течению. Рядом всплыли Дима, Виталик и Настя. Мы с Настей попросили пацанов покидать нас в воду с плеч, и те швыряли нас, пока не устали.

– Мы пойдем перекурим, – тяжело дыша, сообщил Виталья.

Настя плыла на спине, я делала поплавок. Потом решила немного проплыть к глубине, где вода холоднее – очень уж пекло в голову.

– Агата?

Я резко обернулась и увидела его. Влажные кудри свисали ему на лоб, капля упала на губы, и он облизал их. Я застыла, не понимая, что говорить или делать.

– Привет.

– Ты ещё кто? – вернулся Виталья.

– Это Даня. – ответила я, когда вернулся дар речи.

Теперь вода показалась мне чересчур холодной, захотелось выйти на берег.

– Виталья, – он протянул Дане руку, их рукопожатие выглядело жутковато. Словно они не знакомились, а соревновались в армреслинге.

Тут к нам подплыло ещё несколько московских. Три девчонки, одной из которых не больше одиннадцати, и двое парней. Мы перезнакомились с ними, выйдя на берег.

– Значит, вы тут живете? – спросил Даня, не сводя с меня глаз.

Я не знала, куда себя деть. Дурацкая ситуация. Надо было на плитах оставаться.

– Да, и что? – сразу встал в оборону Виталик.

– Просто интересно, мы с вами не пересекались раньше. – спокойно ответил Даня.

Я старалась не пялиться на него, но выходило так себе. А потом взглянула на Настю – та словно Иисуса воскресшего увидела. Только взгляд её был нацелен не на Даню, а на длинноволосого. Кирилл, кажется.

– Ладно, если что, мы на левой стороне обитаем, приходите! – позвал Даня.

Мы вернулись к скутерам. Я не проронила ни слова, в голове кавардак, причины которого я не могла найти. Взглянув на время, я попросила отвезти меня домой – пора провести дедушку и приготовить обед. Мы выехали с Пасеки, сзади послышался рокот мотора – за рулем сидел Даня, а за ним – Паша.

Даня сравнялся с Виталиком. Они ехали по встречке, я хотела наорать на него, сказать, чтобы не глумился и возвращался в полосу, но он обернулся – волосы развивал ветер, тоскливый взгляд уперся в мои глаза, и губы его изогнулись в улыбке. Я покрепче сжала пальцы на металлическом багажнике и чуть не выдавила улыбку в ответ – Виталья газанул так, что я чуть не свалилась. Рефлекторно вскинула руки и вовремя обхватила его талию.

– Виталья, сдурел?! – крикнула ему в ухо я.

Но он словно не слышал, только разгонялся. Я не из пугливых, но быстрая езда на скутере без шлема испугала бы любого здравомыслящего человека. Виталья попытался подрезать Даню, и хвост скутера вильнул, а я вместе с ним. Дане это явно не понравилось.

– Эй, ты ведешь девушку, придурок, хочешь лбами помериться прямо сейчас?

– Будешь учить меня ездить?!

Виталья снова ускорился, я вонзила ногти ему в бока.

– Тормози, не то я спихну тебя! Что ты творишь?!

Виталик очнулся и начал сбавлять скорость, впереди мелькнули фары встречного авто, и Даня перестроился за нас, но в какой-то момент наш скутер наехал то ли на толстый корень, то ли на кочку, и я подпрыгнула, Виталья резко затормозил, скутер повалился набок, а я колбаской прокатилась по дороге.

– Агата! – крикнула Даня.

Я приподнялась, опираясь ладонями. Дима с Настей затормозили рядом, я услышала толпу приближающихся ног. Меня резко приподняли и перевернули. Спина оказалась на коленях у Дани, голова – на его правой руке.

– Жива. – выдохнул он.

Конечно, жива! Вот придумал-то.

– Ноги болят. – шепнула я, удар ребрами выбил весь воздух.

– Ты содрала кожу в нескольких местах, кровоточит. Паш, достань бутылку воды!

– Убери от неё руки, мудила, – Виталик поднял скутер, поставил на подножку и подошел.

– Виталя, отвали от него! – возразила я. – Ты нас чуть не убил, идиот! Какого черта ты выпендриваться решил?! Бери скутер и иди играй в свои деревенские гонки *без меня!*

Карие, как древесная кора, глаза блеснули по-новому. Никогда ещё я не видела в них столько злобы, но и сожаление проскользнуло.

– Давай я отвезу тебя домой? – уже мягче спросил он.

Паша вручил Дане бутылку, и тот вылил мне на ноги все содержимое. Я извивалась и шипела, как демон при виде креста. Даня поставил меня на ноги, но крепко поддерживал за локти. Наши животы соприкоснулись, и я покрылась мурашками, позабыв о боли. Запрокинула голову, чтобы посмотреть на него – а он в это время мягко улыбался. И в груди так защемило, словно откололся кусочек льда, корки, которая годами нарастала, замораживая мое сердце.

– Попробуй сделать шаг.

– Агата, давай отвезу тебя? – снова спросил Виталя.

– Нет уж. Езжай один. – зло ответила я, и уже через пару секунду скутер рванул с места.

– Агата, давай Дима тебя довезет, а? – предложила Настя. – У кого-нибудь есть вата?

– Сейчас нарву подорожник, подожди. – вызвалась, по-моему, Соня. – Сейчас прилеплю.

Я снова зашипела, когда прохладные листья коснулись ран.

– А-а-а-а... – недовольно взяла ноты я.

– Теперь сделай шаг. – Повторил Даня.

В принципе, шагала я отлично, чуть прихрамывала на левую ногу, но это оттого, что рана на коленке неприятно расходилась. Быстро заживет.

– Все хорошо, дойду. Спасибо большое.

– Дойдешь? Никуда ты не пойдешь. До деревни несколько километров. – Даня упер руки в бока, нависая надо мной.

А вот такой тон мне не понравился.

Глава 4

Даня

16 июля 2030 года, Пасека, в ту же минуту

Вот это взгляд.

Дикий, необузданный, властный. А если смотреть долго, как это делал я прямо сейчас, со стороны выходя полудурком, то в её глазах, цвета грозových туч, можно было увидеть боль, нежность и холод.

– Оглох, что ли? – продолжила Агата. – Говорю, сама дойду. И не командуй тут!

– Нет, не дойдешь.

Её бледно-розовые губы сжались, что-то пробормотав под нос, Агата развернулась и зашагала по дороге. Вся её мокрая одежда покрылась грязью и пылью, по щиколотке стекала тонкая струйка крови. Приклеенные листья подорожника дополняли образ.

– Дань, что-то она бешеная малёк, может, это, поедем? – шепнул Пашка.

– Я её догоню. – вызвалась сестра.

Сашка была так похожа на маму, что многие их стали путать, как только она подросла. Длинные пепельные волосы, ярко-голубые глаза, как летнее небо, да и фигуры один в один. Она побежала к Агате, а мы с ребятами остались на месте: я убрал пустую бутылку в рюкзак, Наташа с Соней перешептывались, знакомые Агаты укатили за чокнутым дружкой.

– Это и есть та самая девчонка, которую ты трогал, да? – спросил Паша.

Я с размаху засандалил ему кулаком в живот.

– Ох, ё! – Пашка закашлялся. – Да шучу я, шучу. Красивая. Но бешеная. А дружок её совсем того.

– Дань, так мы вернемся на пляж или так и будем тут стоять? – с недовольством спросила Соня. – Или поедем к нашим? Можно монополию взять и пойти в лес.

– Погоди, Сонь. – бросил я и побежал за сестрой и Агатой, те прошли уже метров триста. – Саш!

Девочки обернулись: Саша с улыбкой, Агата с гневной физиономией.

– Дань, мы с Агатой пойдем пешком, а ты езжай с ребятами.

– И как ты домой вернешься? Ты ж дороги не помнишь! – воскликнул я.

– Я её провожу, неугомонный братик. – рявкнула Агата и взяла мою сестру за руку. Мне это не привиделось? – Я живу здесь, со мной не пропадет. И дай нам уже поговорить спокойно!

Я отшатнулся, взмахнув руками в знак капитуляции, и вернулся к друзьям.

– Ладно, поехали. – сказал я и сел за руль мопеда.

– А Сашка? – Соня в недоумении уставилась на меня.

– Прогуляется с Агатой.

– М-да... – протянул Паша.

Наташа, Соня и Кирилл сели на велосипеды и последовали за нами. Объехав девочек, я обернулся, чтобы послать сестре улыбку, а когда заметил, что Агата поймала мой взгляд, что дрогнули уголки её губ, чуть не перепутал газ с тормозом.

– Вперед смотри! – проворчал сзади Паша.

Я сконцентрировался на дороге и поехал. Мошки врезались то в лоб, то в щеки, вызывая раздражение. Я думал о Саше и о том, насколько правильно было оставить сестру на временное попечение Агаты. Я ведь её совсем не знал!

Сашка тяжело переживала уход папы. Мы с мамой долго не могли подобрать слов, чтобы рассказать ей о случившемся и предоставили выбор: ходить на похороны или нет. Саша заявила, что и слышать не желает о том, чтобы остаться дома. Она стала чаще сидеть в комнате

и проводить время с бабушками, избегая меня и маму. Ладно, на меня всем тяжело было смотреть, в конце концов, мы с папой практически близнецы, но почему Саша сторонилась мамы?

Может, Саше нужна подруга, которая не знает о горе? С которой можно по-новому им поделиться и получить поддержку? Пусть Агата и оставалась для меня незнакомкой, которую я мог бы описать строками Пушкина (единственными, которые помнил из всего курса литературы):

*«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.»*

Что-то подсказывало мне, что у Агаты добрая, мудрая душа. Или я просто пытался найти оправдание её бешеному нраву. И как она могла жить здесь, в деревне? Конечно, я это место любил. Но *жить* здесь? Может, её родители вели сельское хозяйство? Или отец работал на дедушкином заводе?

За раздумьями я не заметил, как мы доехали до дома Кузнецовых.

– Ну, как водичка? – нас встретил дядя Степа, который намывал свою новенькую «БМВ» перед домом из шланга.

– Теплая! – ответили мы хором.

Наташа с Кириллом завернули к дому, мы договорились переодеться и встретиться в лесу через два часа, чтобы все успели пообедать. Мой дом находился рядом с ними, потому я передал руль Паше и пошел на участок. Бабушка включила радио, которому лет было столько же, сколько и дому, и на всю округу из него хрипела песня, которую я много раз слышал у мамы:

*– «Сам себя считаю городским теперь я
Здесь моя работа, здесь мои друзья
Но всё так же ночью снится мне деревня
Отпустить меня не хочет родина моя...»*

– Дань, где сестру потерял? – спросила бабушка, поднимаясь с грядки.

– Она гуляет. Не переживай, скоро будет. – как можно увереннее сказал я. – А мама где?

– Где-то в доме. Она тебе нужна?

– Нет, просто... она в порядке?

Бабушка Регина подхватила железный тазик и приблизилась ко мне. Она всегда выглядела моложе своих лет, но после смерти сына напоминала свою скелетообразную тень.

– Золотце, мама не будет в порядке уже никогда. – сходу рубанула бабуля. – Я хочу сказать, что она очень любила папу ещё с тех времен, когда была совсем девчонкой, вот как ты. Она привыкла к этому чувству, к папе, и теперь ей очень больно. Но ради вас она держится. Ради вас она будет жить дальше. Твоя мама очень сильная девушка, поверь мне.

Я понял, бабушка намекала на прадедушку, о котором мама всегда упоминала вскользь, зато папа как-то подробно рассказал мне о мамином прошлом. Меня воспитывали иначе, родители никогда не поднимали на меня руку. Решением любой проблемы был разговор, а если я вел себя из ряда вон – то ор, но не более. Когда папа рассказал о следах насилия, которые заставлял на теле мамы, внутри все похолодело и одновременно готовилось к взрыву. У меня самого есть сестренка, и, если бы отец поднял на неё руку за какой-нибудь незначительный проступок, я бы ринулся на него, не раздумывая. Или на маму. Нет, я такого рода насилия не понимал, не принимал и не видел в своей семье. Так что после того разговора стал смотреть на маму иначе, да и свое поведение пересмотрел.

– Я знаю, бабуль. Просто переживаю за неё.

– Все мы переживаем, дорогой. Я, например, словно начала новую жизнь, позабыв самое ценное в старой. – бабушка вздохнула, и тут-то до меня дошло, что её тазик полон яиц.

– Ба, давай сюда. – я выхватил его и спросил, – куда отнести?

– На кухню, накрой полотенчиком.

Я вошел в дом, сбросил кроксы и поднялся на второй этаж. Поставил яйца и решил подождать, когда все соберутся обедать. В голове беспрерывно крутились десятки мыслей, давя на виски. Мне казалось, что я слышу сразу несколько голосов, а потом понял – голоса звучали наяву, просто доносились с третьего этажа. Я узнал маму и дедушку Игоря.

– Он должен взять управление предприятием на себя, Аглая.

– Он никому ничего не должен, Игорь! Даня пойдет в колледж при МВД. Это его решение.

– На кой черт ему сдалось МВД?! Что он там будет делать, бумажки собирать? Получать дай бог тридцать-сорок тысяч?! Вспомни, как Алик мучился со своей зарплатой на пожарной станции. Ему пришлось перевестись сюда, чтобы прокормить вас. – ворчал дед.

Я затаил дыхание и превратился в слух.

– Игорь. – эту интонацию матери я знал. Хорошего не жди. – Я уважаю и люблю тебя, как отца. Но знай, если посмеешь указывать моему сыну, чем ему заниматься – будешь иметь дело со мной. Дай ему самому выбрать! Может, он пойдет в колледж и разочаруется. Может, он сам передумает и переведется на предпринимательское дело. Но он сделает это *сам*. Без давления со стороны.

В этот момент в груди разлилась такая гордость за маму, что я чуть не прослезился. Что со мной творится, черт подери?!

Скрипнула лестница, и я дернулся к гостинной и начал громко вышагивать, будто только поднялся на второй этаж.

– Привет! – улыбнулась мама. – Вернулись? А где Сашка?

– Сашка... э-э-э...

– Привет, мам! – послышалось снизу. Фух, все-таки не заблудилась сестренка.

– Привет, котенок! Ну что, обедать? – хлопнула в ладоши мама.

Я заставил себя врать в пол, чтобы не спрыгнуть на первый этаж и не расспросить Сашку об Агате. Позже вся семья собралась на веранде, включая бабушку Олесю и деда Леню – сегодня он приехал поездом. На столе из глубокой миски доносился аромат пирожков на любой вкус: с картошкой, зеленью и яйцом, капустой, мясом, даже с вишневым вареньем. Густой, наваристый рассольник, который Сашка терпеть не могла, бабушка Регина разливала по тарелкам. Овощной салат накладывала мама.

Я смотрел на Сашу, но та, перехватывая мой взгляд, закатывала глаза и качала головой. И что это значит?! Пнул её легонько под столом, на что сестра наступила на мою ногу в ответ.

После обеда, поблагодарив бабушек, я помыл посуду и пошел за Сашкой, которая заперлась в своей комнате.

– Открой. – попросил я.

– Чего тебе?

– Впусти, говорю!

Из-за двери донесся недовольный «ц-чок», затем дверь распахнулась. Не дожидаясь приглашения, я подвинул сестру и плюхнулся на кровать.

– Рассказывай.

– Что? – сестра явно решила поиграть на моих нервах.

– Как прогулялись?

– Дань, я не буду тебе рассказывать, о чем мы с Агатой говорили. Прогулялись отлично. И Агата классная! Мы договорились, что я как-нибудь зайду к ней в гости.

– Как это? Только ты? – зачем-то сказал вслух я.

Брови сестры взлетели вверх, и она снова закатила глаза. Кто бы знал, как меня это раздражало.

– Даже отвечать не буду. Это все? – Сашка кивком указала на дверь.

– Чего сразу выгонять-то? Ты совсем со мной не общаешься в последнее время.

– Дань, не хочу я сейчас общаться. Иди уже. Я порисовать хочу в тишине.

Я вышел и пошел переодеваться, мы ведь договорились с ребятами встретиться в лесу, а я уже запаздывал. Решил пройтись пешком и поразмышлять. Во-первых, сегодня я удостоверился в том, что Агата – не плод моей фантазии. И теперь меня влекло к ней с ещё большей силой, и ничем, никак не мог я объяснить это зудящее под ребрами чувство. Мне всего пятнадцать, в феврале исполнится шестнадцать, я пойду в колледж – вся жизнь впереди. Но что мешает мне подружиться с девочкой сейчас? Не думаю, что из этого может получиться что-то серьезное или долговечное. Мы оба ещё малы. Летнее развлечение редко перерастает в крепкий союз с намеком на совместное будущее. Или нет?

Во-вторых, разговор между мамой и бабушкой до сих пор звенел в ушах. Я начал сомневаться в своем решении. Не хотел подвести деда или отца, или маму. Знал только одно – хочу помогать людям, а лучше спасать и защищать их, как отец. И вряд ли птицефабрика или комбинат мне в этом помогут.

Казалось, ещё вчера папа сажал меня на плечи, гуляя вдоль пляжа на Левобережном и обещал, что если я захочу, то смогу стать хоть космонавтом, хоть летчиком, хоть машинистом, кем угодно. Обещал быть рядом, когда я буду принимать решение, получать диплом. И что теперь?

Папа, почему ты не предупредил, что любое мое решение будет отражаться на близких? И почему нарушил обещание? Сейчас, как никогда, мне нужен твой совет. Мне нужно твое плечо.

Глава 5

Агата

17 июля 2030 года, дом Агаты

– И потом, вы не видели его глаз. У людей не бывает таких. Разве что у котов... – рассказывала я курам, вычищая курятник. – Нет. Никаких парней. Не хватало мне ещё раз по новой всякие боли переживать. Жаль, вас не было, когда ушла мама, вы бы помнили, чего мне стоило превратиться в «Холодное сердце». Хотя, знаете...

Из левого угла донеслось громкое «кудах-тах-тах», и я схватила за сердце, выдохнула и продолжила:

– Сестра у него классная. Да. Хорошая девочка. Ладно, хорошего дня.

На часах – восемь утра, солнце поднимается все выше и выше, готовое дать нам жару. После курятника я вышла потная и вонючая, но смысла умываться не было – меня ждали коровы. С делами я сегодня управлялась медленнее обычного, спасибо разодранным ногам. От пота раны щипало, и я материлась под нос не хуже Мартыныча, когда тот заезжал себе молотком по пальцам.

– Агатка! – позвал дед, – Ты не завтракала что ль?!

Я вбежала в дом, стряхнула шлепки и прошла в кухню. Дедушка уже шарил под крышечками банок на столе.

– Не успела ещё, решила сразу с дел начать.

Дед чуть крутанул коляску, чтобы посмотреть на меня.

– Агатка, – прокряхтел он, придвигаясь ко мне. – Губишь ты себя, золотко мое.

– Дед, мы договаривались, никаких разговоров!

Он долго смотрел в мои глаза, я выдержала взгляд его карих, как куриные перья, глаз. Он протянул морщинистую, мягкую руку и сжал мою, огрубевшую и мозолистую.

– Я бы многое сказал, но не буду, знаю, начнешь ворчать и топтать, а у нас и так полы вот-вот проломаются. – высказался дед, подмигивая, – давай позавтракаем.

– Тесто на оладьи только поднялось, подождешь, пока нажарю? – спросила я, отмывая руки от куриного помета.

– М-м-м, а-то! Осталось ещё варенье, которое я крутил, с черной смородиной?

– По-моему, только малиновое да с крыжовником. – ответила я, включая газ и заливая сковороду растительным маслом.

– Понял, сейчас принесу. Погодь-ка, – дедушка присмотрелся к моим ногам. – Что это? Упала?

– Ага. – пробубнила я.

– Чего?! – дед повернулся здоровым ухом.

– АГА! УПАЛА! На тарзанке неудачно повисла!

Я бухнула в сковородку несколько ложек теста и масло зашкварчало, норовя расстрелять меня. Позавтракав, дедушка выехал во двор, скрылся в саду под тенью яблонь и принялся разгадывать sudoku. Я похлопотала на кухне и решила все-таки ополоснуться. Выйдя из летнего душа, который представлял собой шторку, кран с минимальным напором и обогревательную байду, которая нагревалась не меньше ста лет, я достала старое белое платье с подвязкой на талии, расчесала ненавистные волосы, снова поклявшись их срезать, надела сережки с незабудками, раз уж меня с ними видели, и пошла пасти коров.

Уже перед выходом я вспомнила, что сегодня тоже намечалась жара, и взяла соломенную шляпу. Соловьи пели громко, словно сидели прямо на моих плечах, но мне не удалось их разглядеть на ветках деревьев. Выйдя в поле, я периодически опускалась на колени и срывала землянику, тут же кидая ягоды в рот. Коровы медленно топтались, вымя качалось из стороны

в сторону. Длинные ресницы хлопали, как только на глаза садилась мелкая мошкара. Я любила своих девочек. Фаину, белую с пятью коричневыми пятнами тихоню, вечно недовольную Розу с крупной черно-белой расцветкой (прямо сейчас она громка мычала, учуяв неприятный запах, как делала всегда) и Шалунью – самую любвеобильную, младшенькую корову.

У каждого свой способ медитации. По телевизору показывали занятия йогой или пилатесом, рассказывали о правильном дыхании и позе, лично я медитировала, выгуливая коров. А что? Вокруг – тишина, пустота, километры травянистого поля, местами колосья, цикорий, ромашки. Над головой – небо, беззвучное и чарующее. Слышно только, как коровы хвостом хлещут себя, отгоняя мух. Только сегодня им аккомпанировали соловьи.

Дойдя до той точки поля, откуда не видны были дома, уединившись с коровами, пчелами и шмелями, я села на траву. Провела пальцами по расцарапанным ногам и снова подумала о Дане, Витале, скутере. И в это мгновение какая-то падаль решила нарушить мое уединение! Я хорошо отличала звуки, и человеческие шаги, пусть и крадущиеся, не спутать с коровьими. Коровы отреагировали ещё раньше: учуяли запах и услышали шорохи. Я резко обернулась, чтобы застигнуть нарушителя врасплох.

– Виталик?! – удивилась я.

Он стоял, держа в руках букет полевых цветов и авоську с двумя пластиковыми упаковками. Вот же зараза, знал, что меня можно подкупить творогом его бабушки.

– Агат, прости меня, а? – сказал он, протягивая букет.

Я приняла его и вдохнула ноты знакомых ароматов.

– Давай сюда творог, и я подумаю. – хихикнула я.

Виталик улыбнулся, обнажив кривые зубы, и вручил авоську.

– Надо домой занести, а то на такой жаре закиснет. – между делом сообщила я. – Спасибо.

– Прощаешь?

– Сначала объяснись. Что ты вытворял, а? Знаешь же, что я скорости боюсь! А если бы мы в дерево влетели?!

– Клянусь, больше никогда не превышу пятьдесят километров в час, если ты будешь ездить со мной, – Виталик стукнул кулаком по груди. – Меня просто взбесил этот московский придурок.

– Легко же вывести тебя из себя. – хмыкнула я. – И чем же он тебя взбесил?

Со словами Виталик не нашелся.

– Ладно, Виталь, мы же всю жизнь дружим. Так что я тебя прощаю, но в следующий раз... – я изобразила удар, – тебе кранты. Посмотри за коровами, я добегу до дома, творог оставлю.

И я побежала. Дедушка уже вернулся в дом – со двора было слышно, как орет телевизор. Я крикнула ему, что принесла творог от тети Аллы, и умчалась обратно к Витале и коровам. Виталик сидел в поле, держа в зубах колосок, а за ухом сигарету.

– Ты когда-нибудь думала о том, чтобы уехать в Москву? – спросил он, не оборачиваясь.

– У меня дед, какая Москва. – я села рядом.

– Вместе с дедушкой.

– Как? Снимать квартиру тысяч за сорок? У него пенсия пятнадцать. Чтобы я смогла работать в Москве, нужно будет нанимать сиделку – это дороже, чем квартиру снимать. Продать дом – ну, проживем полгода, а дальше что?

– Ты могла бы поступить на бюджет и жить в общежитии.

– Виталь, к чему это все? Хочешь, чтобы я уехала?

– Нет, этого я боюсь больше всего. – выдал он, я промолчала. – Я скорее всего пойду по контракту служить, как только школу окончим. Хорошо платят, квартиру могут выдать.

– Что ж, почему бы и нет? – пожала плечами я.

Неужели мы действительно обсуждаем столь скорое будущее? Ещё вчера вопросом дня был выбор между «дураком» переводным или классическим.

– Тебе он нравится, Агат?

– Что? – не поняла я.

– Этот, московский. – выплюнул Виталик.

– Никто мне не нравится, что за глупости. Виталь, я до двадцати даже не рассматриваю себя в паре с кем-то. Не до того мне, правда. Нужно нас с дедом на ноги поставить, образно выражаясь. – фыркнула я. – И не верю я во все это.

– Из-за родителей?

– Из-за мамы. Для чего эта «любовь»? Пару раз развлечься, ребенка сделать, и свалить, как только надоест?

Виталик повернул голову, солнце светило прямо на наши головы, просвечивало кожу на его больших ушах. Вид у него был странный, и я даже не успела сообразить, когда губы его коснулись моих. Я понятия не имела, как двигать ртом и все такое, и вроде как должна была обомлеть от трепета, но в итоге еле сдержала рвотный позыв от его слюны и ядреного запаха табака. Причмокнув, Виталик собрался углубить поцелуй, и я отшатнулась.

– Это ещё что?! – воскликнула я, вытирая рот.

– Агат... – Виталик схватился за голову. – Извини. Опять напорточил.

– Виталь, мы – друзья. Почти с пеленок, блин, вместе!!! Не смей вытворять такое без моего разрешения, понял?!

– Да. Да. Прости. Я...

– Давай-ка мы неделю побудем порознь, и ты хорошенько подумаешь о том, что сделал.

Виталик нахмурился, выгасил сигарету из-за уха и закурил.

– Как пожелаешь. – бросил он и ушел.

Я смотрела ему вслед, и все внутри клокотало от бешенства. Хотелось подойти к колонке и подставить рот под мощную струю воды, чтобы промыть как следует. О чем он вообще думал?! Что с ним твориться такое?! И как теперь смотреть друг другу в глаза? Нам ещё два года за одной партией сидеть, черт возьми.

– Зеленцов, что с тобой такое, а?! – возмутилась вслух я.

Я посмотрела на руки – пальцы тряслись. Щеки горели, и нет, не от солнца, бьющего в лицо. Я была просто в ужасе. Зеленцов украл мой первый поцелуй. Мой лучший друг! Отвратительно!

Я позвала коров, легонько похлопала их по массивным бокам и повела за собой. Нет уж, ни о какой медитации в поле теперь и речи быть не может.

– Простите, девочки, завтра погуляем подольше. Нет, вы видели, что он сделал?! Тьфу! – сплюнула я, говоря с коровами.

Мне пятнадцать лет. Я не хотела думать о Москве, будущем, мальчиках и прочей дребде. Я хотела быть уверенной в том, что завтра мы с дедом будем сыты и одеты. Что зимой наш дом выстоит и хватит дров на отопление. Что дедушка проживет ещё много лет, и когда мы поедем на очередное обследование в Курск, у него не найдут никаких новых проблем со здоровьем. Что я продолжу заниматься своим хобби со смолой и, возможно, стану вывозить изделия на продажу. Всё!

Я плелась за коровами, спотыкаясь. Я была зла на Виталика не только потому, что он чуть не поставил крест на нашей дружбе. Он вызвал во мне дурные мысли, о которых я не задумывалась и планировала не думать по меньшей мере ещё лет пять.

Всегда ли первый поцелуй, да и поцелуи в целом, такие мерзкие и безвкусные? Надо будет проверить. Когда-нибудь. И срочно выбросить из головы видение Дани. Загнав коров, я подошла к дедушке.

– Деда! Я прогуляюсь, ладно? Держи рядом телефон. – нужно было скрыться, пока дед не заметил мое нервное напряжение – снова примется расспрашивать и намекать.

– Давай, Агатка, гуляй, ко мне Машка должна прийти к обеду. Скучать не буду.

– Телефон? – спросила я.

Дедушка показал, что аппарат висит на его шее, как и положено.

– Хорошо. Как самочувствие?

– Прекра-а-асное, – улыбнулся дед. – Разгадал последний номер sudoku, надо б Мартынычу заказать новый журнал.

– Пока не проси, я что-нибудь придумаю. Все, убежала! – крикнула я.

Я пошла гулять, а куда именно – понятия не имела. Со своими видаться не хотелось, особенно после того, что вытворил Виталик. Я просто шла, куда ноги несли, и смотрела по сторонам, пытаюсь разглядеть птиц или лис среди деревьев в лесу. За последние три года лис здесь стало очень много. В конце холма показалась правая сторона деревни, дом некогда жившей здесь ведьмы Прасковьи. Без хозяйки он совсем загнулся и выглядел ещё страшнее, чем я помнила в детстве. Вдруг между ног что-то пробежало, мягко коснувшись щиколотки, и я чуть не подпрыгнула на месте.

– Боже ж ты мой! – воскликнула я.

Черный кот пробежал вперед и сел, глядя прямо на меня, подвернув хвост под лапки.

– Дружочек, у меня ничего для тебя нет. Ты забегай к нам в гости, на отшиб.

Кот мяукнул, и пошел вперед. Я решила, что раз уж компании у меня нет, последую за котом. Я хотела проветриться и забыть, навсегда стереть из памяти сегодняшнее утро. Кот сначала медленно вышагивал впереди, иногда терся о ноги. Его не напугали ни соседские гуси (даже я прошла мимо них с опаской), ни проехавшая мимо иномарка. Черный комочек вдруг ускорился и свернул с главной тропы налево. Кажется, он пошел в сторону спортивной и детской площадок, которые отстроил Титов для детей своих сотрудников. Я следила за мохнатым хвостом, пробираясь сквозь деревья.

– Мог бы и получше дорожку найти, кошак. – пробурчала я.

А потом его лапы ступили на прорезиненное покрытие площадки, и он вдруг завалился на бок, глядя на меня. И начал себя вылизывать.

– И это все?

Я услышала стук мяча и звуки, похожие на музыку, и подняла взгляд. На футбольной коробке, где прямо над футбольными воротами висели баскетбольные кольца, Данил отстукивал баскетбольным мячом, метя в кольцо. Он был в одних спортивных шортах бардового цвета. Уже почти сформировавшееся мужское тело Дани покрывал пот и легкий загар. Я сглотнула, в ужасе распахнув глаза и рот, а затем обратилась к коту.

– Ну, мохнатый, это настоящая подстава! – прошипела я и тихонько развернулась, чтобы незаметно сбежать.

– Агата?!

Я застыла. Кот мяукнул.

Глава 6

Даня

17 июля 2030 года, спортивная площадка

Телефон в кармане негромко проигрывал песню «Девятины», пока я бросал мяч в кольцо. В семь лет родители записали меня в баскетбольную секцию, рассчитывая на спортивное будущее. Я обожал баскетбол, но не считал спортивную индустрию делом своей жизни и не представлял, как спорт может стать работой. В моем случае. Я не видел себя чемпионом, да и в команде не отличался показателями. Просто хороший игрок, не более.

Стук мяча помогал сконцентрироваться на цели и оторваться от звуков реальности. Я снова сбежал от родни и друзей, так как они обсуждали совместный поход на кладбище. Я предпочитал общаться с отцом наедине, чтобы не суетиться вокруг мамы и Саши, переживая за их состояние.

Песня закончилась, я выронил мяч и начал листать плейлист, в поисках нового трека. А ещё напомнил себе, что в следующий раз надо не забыть наушники. Остановив выбор на песне «She Knows», я продолжил тренировку.

– *«Плохое случается с теми, кого любишь,
А ты ищешь себя в молитве Небесам,
Но, честно говоря, я никогда особо не сочувствовала,
Потому что всегда видела, как плохое преследует меня.
Я собираюсь убе-убежать, убе-убежать, убежать!»*

Пропел женский тонкий голос вступление, когда я заметил движение у леса. Зажал мяч в ладонях и прошелся к забору, чтобы разглядеть. Сначала никого, кроме гусей, не заметил. А потом увидел. Её. И каждый раз органы устраивают полет на американских горках, стоит глазам поймать её образ.

– Агата?! – позвал я, когда та собралась ретироваться.

Она развернулась, а я подошел ещё ближе, выйдя из калитки. Между нами валялся черный кот – Паук, он когда-то принадлежал ведьме и очень полюбил мою маму. Вечно шастал на нашем дворе, особенно после смерти хозяйки зачастил.

– Привет. – улыбнулся я, глядя в её испуганные глаза.

– Э, привет. – кивнула она.

Я осмотрел её ноги, и нет, не потому, что они были стройные и гладкие, и не потому, что ладонь засвербела от желания к ним прикоснуться. Я изучил затянувшиеся раны и поблекшие царапины.

– Гуляешь? – нарушил молчание я. Агата кивнула, готов был поклясться, один её глаз не мог определиться, куда смотреть: на мой торс или в глаза. – Составишь компанию?

– Я не умею. – ответила она, указав на мяч.

– Научу. – ещё шире улыбнулся я, и ей пришлось сдаться.

В белом сарафане она была похожа на ангела, с этими длинными, растрепанными светлыми волосами. Агата пошла за мной на площадку, и я поставил её в центр.

– Отсюда я точно не попаду, разве что тебе в глаз. – она скрестила руки на груди.

– Сейчас покажу тебе, что делать.

Сначала я на своем примере объяснил, как правильно бросать мяч. Затем вручил его Агате – та замахнулась, и швырнула его прямо в забор, раздался оглушительный звон металла.

– Бесполезно, – пропыхтела она. – И давно ты этим занимаешься?

– С семи лет. Езжу иногда на выездные игры, но не мечтаю о сборной. – ответил я, поднял мяч и дал Агате. – Смотри, слабая рука, в твоём случае левая, должна направлять, придержи-

вать мяч, во-о-от так. Не сжимай его в ладонях, не зажимай пальцами. Растопырь их. Эту руку согни в девяносто градусов. Бросай на выдохе.

Агата внимательно слушала и меняла положение рук, затем подпрыгнула в броске, и мяч попал в обруч корзины.

– Почти! – воскликнула она, и её улыбка чуть не прострелила мне сердце.

– Иди сюда, – подозвал я, когда Агата подхватила мяч.

Встав сзади, я вложил мяч ей в руки, поставил их в нужное положение и замер, осознав, что всем телом прижат к ней, а её тонкие, грубые пальцы касаются моих. Агата не издавала не звука, но я ощутил чокнутый ритм наших сердец. Она все не двигалась, и я почувствовал, как похолодели её пальцы, а я в порыве провел носом по её волосам, вдыхая летний аромат с примесью сена и молока.

– Б..бросаю? – выдохнула она.

– Угу... – промычал я над её ухом.

Я чувствовал, как напряглась её спина, и она наверняка сопротивлялась желанию запрокинуть на меня голову. Резко двинувшись, Агата бросила мяч и попала точно в кольцо. Я захлопал, улюлюкая, Агата присела в кривом реверансе.

– У меня хороший учитель. – хихикнула она.

Мы продолжили играть, отпустив напряжение. Я научил Агату пасовать, и она с радостью прыгала по площадке, бросая мяч исключительно по моей схеме, а не из-за головы или от груди. Я еле отрывал от неё взгляд, но все же разок засмотрелся и получил мячом по голове, стоя у корзины, когда она промахнулась. Агата попыталась удержать смешок – ничего милее не видел. И чем дольше мы играли, тем меньше мне хотелось домой или куда-либо ещё. Через час мы вымотались, волосы у Агаты намокли и слиплись, от меня же разлило потом.

– Умираю, как пить хочу. – прохрипел я.

– У дома ведьмы колонка, пойдешь? – повела бровями Агата.

– На слабо берешь? – усмехнулся я. – Пойду.

Я подхватил мяч, и мы на перегонки отправились к дому ведьмы, толкая и пихая друг друга, сбивая с пути. Агата залиvisto хохотала, и я пожалел, что не включил диктофон – так бы и слушал её смех. Но она вовремя поставила мне подножку, я шлепнулся на бок, стукнувшись головой о кочку и пришел в себя.

«Хорош о ней думать, парень, это уже слишком.»

Агата первой добежала до колонки, бесстрашно открыла скрипучую до боли в ушах калитку и надавила на рычаг, подставив лицо под струи воды. Жадно напившись, она умылась, и я сменил её. Потом набрал воду в ладони и запульнул в Агату, поток попал на платье, прямо на живот, и ткань прилипла, очерчивая плоский пресс. Лучше бы я этого не делал.

– Ах! – вскрикнула она от внезапного холода. – Ах, ты...

Она начала озираться в поисках подходящего оружия. И, черт подери, нашла. Старинную кувалду!

– Агат... – я вдруг вспомнил слова Пашки о том, что Агата бешеная.

Я медленно отступал назад, а она неслась на меня, держа эту кувалду над головой. Я готов был заорать, и тут она приблизилась и расхохоталась. Так громко и живо, что я заразился и закатился смехом за компанию.

– Видел бы ты свое лицо, ой, Господи, не могу! – всхлипывала от смеха она.

И тут случилось такое, чего мы так и не смогли объяснить. Дверь дома ведьмы распахнулась, с грохотом ударившись о деревянный фасад. Мы застыли в молчании, глядя на это зрелище. От удара взмыли вороны – только здесь эти птицы любили сидеть на деревьях, – и одно из маленьких квадратных стекол веранды разбилось.

Мы схватились за руки и одновременно побежали, так быстро, как только могли, и орали так громко, что наверняка довели пожилых соседей до микроинсульта. Мы все бежали, и

бежали, к влажным ногам липла пыль, грязь, трава. Остановились только на плотине, разделявшей стороны деревни. Чтобы отдышаться.

И, наконец, заметили, что мы *все ещё* держимся за руки, и тут же их расцепили.

– Ты тоже это видел, да? – спросила Агата.

– К сожалению, да.

– Думаю, в следующий раз возьмем воду с собой. Никаких больше колонок на участке ведьмы.

Следующий раз? Возьмем?!

– Ты только что пригласила меня на... встречу? – я пытался не улыбнуться, но не смог.

– Забудь, – встрепенулась она. – Я имела в виду, в целом, гуляя по деревне, надо брать с собой бутылку воды. Особенно в такую жару.

– Обещают похолодание через пару дней. А куда мы идем, кстати? Не будем же на плотине стоять.

– Мы? Я домой иду, а ты – не знаю. Ты же с друзьями приехал. – сказала она, и сразу лицо её скривилось в сожалении, будто она что-то лягнула. – Прости, я... Саша мне рассказала. Неправильно я выразилась.

– Забей. – только этого сейчас не хватало.

– Не бойся, обсуждать с тобой я это не собираюсь, пока сам не решишься. Но сестра твоя очень переживает. Я бы даже сказала – слишком сильно. Иначе бы не выдала всю подноготную вашей семьи незнакомке, не сдерживая слез.

– Доставила тебе неудобства? – вспыхнул я.

– Чего?! Я с радостью выслушала Сашку и готова в любой момент выслушать ещё раз. Мне искренне жаль её, и я прекрасно понимаю её чувства. – ответила Агата, запнувшись, явно понимая, что взболтнула лишнего. – Короче, поговори с сестрой. Я, может, и поддержала Сашу, но ты – её семья. А с мамой она обсуждать это боится до смерти.

Агата развернулась и пошла мимо Вшивки. Я нагнал её.

– Саша избегает меня.

– Да потому что ты тоже закрылся, разве нет? – спросила Агата, не сбавляя ход.

– Возможно. Я очень хочу ей помочь, но даже не знаю, как помочь себе. Не хочу жалеть себя, правда, но боль такая невыносимая, что иногда просто не выдерживаю. Видеть никого не могу.

Агата хмыкнула.

– Здесь я тебе не советчик. Не могу сказать, что у меня был успешный опыт по борьбе с горем потери, я... – она ненадолго умолкла, не обращая внимания на то, что я провожаю её до дома. – наверное, просто была занята. Было много дел, и я просто трудилась на поле и участке, пока не засыпала без сил. Но мне кажется, что Саше важно, чтобы ты был рядом.

Я подумал над её словами и понял, что краснею от стыда. Я-то спокойно принял забастовку Сашки, вместо того, чтобы попытаться помочь ей пережить уход папы.

– Саша сказала, он был пожарным и пасынком Титова. Игоря Владимировича здесь очень уважают.

Я рассказал Агате немного о работе отца и о том, как папа стал пасынком Титова. Без подробностей о смерти моей тети Кристины. И без того от разговора позитивом не пахло. Агата слушала, кивала и задавала вопросы, но ни разу на меня не посмотрела. Я подумал – как это просто и привычно, идти с ней по деревне и рассказывать что-то близкое сердцу.

– Не хочу показаться бестактным, но судя по некоторым фразам, ты тоже переживала потерю. Расскажешь, что произошло? – рискнул спросить я.

Мы дошли до оврагов, отсюда можно было заметить кусочек участка Агаты.

– Нет. Может, в другой раз. – бросила Агата, а потом остановилась. – Подожди-ка, а почему ты до сих пор идешь за мной?! – опомнилась она.

– Провожая тебя до дома, – хохотнул я. – Мало ли, призрак ведьмы следует по пятам. Я удостоился удара кулаком в плечо.

– Мне здесь ещё жить, прекрати. – хихикнула она. – Ладно. Проводил. Отсюда сама дойду.

И она ускорила шаг, почти перейдя на бег.

– Агата! – окликнул я, и она обернулась, убирая волосы с лица. – Мы ещё увидимся?

Она криво улыбнулась и пожала плечами. Что ж, это именно то, что я хотел увидеть. Как я возвращался домой не следовало видеть никому. Пашка бы поставил на мне крест, Кирилл бы вычеркнул из списка «настоящих мужиков». Летел вприпрыжку, перебрасывая мяч из одной руки в другую. Негоже было так радоваться, но я смотрел в небо и улыбался, надеясь, что отец понимает мои чувства. Раз уж он влюбился в мою мать, когда той было пятнадцать, он бы точно понял.

Успокоившись, я вернулся к дому на правой стороне, чтобы забрать Сашку и пойти с ней на левую. Агата была права, пора браться за сестру. Вечер наступил незаметно, я не успел понять, когда на часах стукнуло восемь – к этому времени мы уже поужинали и договорились с Сашей порисовать в поле. Я спустился в мастерскую за мольбертом и прошелся по участку к забору, чтобы вынести его на поле. Баскетбольный мяч, который я бросил прямо у ворот, лежал сдутый. Положив мольберт, я взял то, что осталось от мяча в руки, и увидел порез – от ножа или осколка, непонятно. Видимо, так он и сдулся. Может, напоролся на что, когда я бросил его?

Оглядевшись, я никого не заметил. И черт с ним, в гараже ещё парочка валяется.

Глава 7

Агата

22 июля 2030 года, луговые качели

Прошло пять дней с тех пор, как я виделась с Даней, и с тех пор, как Виталия осквернил мои губы. Два дня назад ко мне приходила Саша, и мы вместе с ней прокатились на выдавшей виды деревянной лодке по затянутому тиной пруду. Она выглядела спокойнее и поделилась тем, что брат стал больше времени проводить с ней и брал с собой на все встречи с московскими друзьями. Про себя я похвалила Даню за то, что прислушался к моим словам и пожалела, что он не пришел ко мне вместе с сестрой. Конечно, вслух я этого ни за что не произнесу, но я всерьез ловила себя на мысли, что хочу с ним увидеться.

Пока Саша не напомнила, что тридцатого августа они уедут из деревни. Вернуться в Москву, к прежней жизни. А я останусь здесь, и поэтому не буду привязываться ни к Дане, ни к Саше.

Саша подарила мне рисунок, который они сделали вместе с братом. Несмотря на юный возраст, для одиннадцатилетней девочки Саша смогла почти в точности передать пейзаж на левой стороне: поле, вышка, водонапорная башня, трава, ромашки и прочие полевые цветы. Я отучила себя привыкать к людям или хранить подарки на виду. Мама научила меня – все в жизни проходное и вряд ли в ней кто-то задержится. Папа же научил тому, что, когда смотришь на дорогие сердцу вещи каждый день, можно и свихнуться от боли.

Саша сказала, что Даня занят на предприятии дедушки, а в свободное от этого время проводит с близкими друзьями матери. Я просто кивнула, улыбувшись, потому что мне было плевать, чем там занят её брат, который скоро вернется в Москву. У меня своих дел по горло.

Но сегодня дедушку забрала двоюродная сестра в гости на сутки, и я, сотню раз предупредив себя же о том, что пожалею о принятом решении, кое-что задумала.

Для начала, утро я посвятила хозяйству, а к половине одиннадцатого ко мне пришла Настя. Бозина помогла мне закончить с делами, после чего она сбегала домой переодеться, и встретиться вновь мы договорились у луговых качелей. Даня не соврал – похолодало, причем резко. Я плелась по тропам в джинсах с дырками на коленях, зеленой футболке и джинсовке сверху.

На лугу, окруженном кустарниками и невысокими деревьями (на самом высоком дубе были подвязаны качели), меня уже ждала Настя. Вернее, так я подумала, заметив раскачивающуюся фигуру. Но подойдя ближе, опустив ветки кустарника, я разглядела взрослую девушку с каре. Лицо её было мне очень знакомо...

Точно! Вылитая Сашка! Я выровняла дыхание и застыла, чтобы разглядеть её. Неужели это мама Дани? Выглядела она очень молодо. И печально. Господи, ну, конечно, она ведь потеряла мужа!

Девушка медленно подняла лицо к небу и что-то зашептала, улыбувшись. Я почувствовала себя нарушителем, словно смотрела на что-то сокровенное, и мне захотелось провалиться в ближайшую яму. Особенно когда пришла Настя и громогласно крикнула:

– Здорово!

Мать Дани вздрогнула и снова приняла сосредоточенный вид. Я вышла из укрытия и поздоровалась с Настей, боковым зрением наблюдая за девушкой – она встала и направилась к нам.

– Привет, девочки. – кивнула она, я заметила влажные дорожки на её щеках. – Ой!

Она ненадолго остановила на мне взгляд и вдруг улыбнулась. По-доброму, по-матерински.

– Ты, случайно, не Агата?

– Да, я. – ответила я, сцепив руки за спиной.

– И, правда, красавица. – сказала она. Не поняла? – Я уже ухожу, можете кататься!

И она ушла, а мы с Настей смотрели ей вслед – хрупкой, воздушной, какой-то... неземной что ли. Под ребром кольнуло, когда я представила, как эта нежная девушка укладывает на ночь спать Сашу и поддерживает Даню. Как обнимает их и признается в любви. Смогла бы она поступить так же, как моя мать? Может, дело вовсе не в ней, а во мне? Сколько раз я думала над тем, что сделала не так, чем я плоха, раз моя матушка решила не иметь со мной ничего общего.

Хотелось остановить мать Дани, обнять и убедить, что все будет хорошо, жизнь вернется в привычное русло, она ещё будет счастлива. Но я так и осталась стоять, наблюдая за ней, терзаясь жалостью.

– Агат, алло? – встряхнула меня Настя.

– Ой. Пойдем на качели!

По небу плыли длинные серые облака, медленно, пряча за собой солнце. И вроде день как день, как любой другой в моей рутинной, тягучей жизни, но ощущения другие. Только вот, я не могла их прощупать, чтобы объяснить.

– Странная ты сегодня. – констатировала Настя, раскачивая нас. – Давно с Виталиком виделась?

Я пересказала случившееся, Настя от удивления шлепнула меня ладонью по ноге. Я громко вскрикнула, но удержалась от убийства.

– Брешешь!

– Клянусь.

– Поцеловал? Господи! Это же...

– Скажешь «здорово», и я запроу тебя в курятнике. Я же только что описала тебе поцелуй. Мерзкий и мокрый.

Настя чуть крутанулась, чтобы видеть меня.

– Все равно я тебе завидую, Агат. Так хочется, чтобы и меня кто-нибудь поцеловал! Ладно, уеду в Москву, нацелуюсь вдоволь! – хохотнула Настя.

Насте через пару месяцев стукнет шестнадцать, совсем скоро она уедет в Москву, будет жить в общежитии университета, короче начнет ту жизнь, о которой мечтал для меня дед. Мне стало совсем дурно. Присутствие Насти в моей жизни стало настолько привычным, неотъемлемым и обязательным, как утренняя чистка зубов.

– Ой, Бозина, – вздохнула я. – Вот бы мне твои мечты – целоваться.

– Агатка, да не расстраивайся ты! Виталя неплохой парень. Лучше уж он, чем какой-нибудь старик с завода Титова. В конце концов, тебе же тоже нужно мужское плечо рядом. Только не начинай опять про то, какая ты сильная и независимая, всем и без того известно, что ты коня на скаку остановишь и в горящую избу войдешь. Но позволь себе хоть иногда быть девочкой, а? Позволь себе помечтать об объятиях, поцелуях, свиданиях, семье.

Ветер поднялся, я закрыла глаза и вспомнила, как Даня учил меня кидать мяч. Его торс, прижатый к моей спине. Мурашки пробежали по всему телу.

– Свидание? Насть, не смейся. Куда мы пойдем? В коровник? – фыркнула я.

– Слушай, я все-таки настаиваю на том, чтобы провести вам интернет. Я вот как погляжу на все эти сентиментальные короткометражные видео, так аж жить не хочется. В деревне, имею в виду. Хочется влюбиться и путешествовать по миру со своим парнем. Романтики охота!

– Никакого интернета, спасибо. – замотала головой я, раскачивая нас сильнее. – Неинтересно мне следить за чужими жизнями. Если мне нужно посмотреть какой-нибудь рецепт или мастер-класс, я всегда могу прийти к вам в гости. – довольно улыбнулась я.

– А мне нравится «подсматривать» за другими. Не потому, что завидно, а потому что хочется сделать все, чтобы повторить. Или даже жить лучше. – мечтательно высказалась Настя.

Я открыла было рот, чтобы выдать очередную язву, но поняла – мне не интересна жизнь других не потому, что я погрязла в своем быту. Я боялась увидеть варианты других жизней и пожалеть о том, что имела.

Мы с Настей побродили по деревне, срывая с чужих кустов ежевику. Даже жимолость удалось урвать. Настя все болтала о чем-то, а я думала о своем. У меня не было детства как такового, мне рано пришлось повзрослеть, да и друзья мои, жившие в деревне, тоже с малых лет участвовали в ведении хозяйства и неделями жили одни, в глуши. И я никогда не боялась, что так называемое детство уйдет. Я боялась будущего и того, что оно принесет, потому что всегда жила одним днем.

– Агат, а ты с этим Даней виделась ещё? – спросила Настя.

– Нет. – зачем-то соврала я. – А что?

– Мне Кирилл понравился... – шепотом сказала Настя. Будто кроме птиц и гусей нас кто-то мог услышать.

– И-и?

– Ну, может, как-нибудь встретимся с ними все вместе?

От этой идеи меня бросило в жар.

– Ты же собиралась со всей Москвой перецеловаться! Зачем тебе сейчас этот Кирилл несчастный?!

Настя закатила глаза и скрестила руки на груди.

– Да потому что одиноко мне! Сил нет уже на рожи Витали с Димой смотреть! Так что, поможешь мне? – Настя выпрыгнула передо мной и сложила ладони в мольбе.

– За что мне все это, господи! – застонала я. – Ладно! Если будет возможность – спрошу. Ничего не обещаю.

Подруга кинулась мне на шею, я осторожно разомкнула её лапы и отставила от себя. Она ничуть не обиделась, зная, что я все эти нежности воспринимала только по праздникам.

Когда Настя отправилась домой, я вернулась к своей затее. Проводила подругу и развернулась, чтобы дойти до дома Дани на левой стороне. Там его не было, и я-то разворачиваясь, то снова делая шаг вперед, пошла на правую сторону. В лесу справа послышался шелест, и я резко остановилась, чтобы присмотреться к деревьям. Никого. Ни животных, ни людей. Наверное, птицы перелетели с ветки на ветку.

Я услышала рокот мотора, но не скутера. Должно быть, мопед. Из-за поворота показались Даня и его друзья. Вместо того, чтобы махнуть, я сделала вид, что просто прогуливаюсь, но мопед все же остановился возле меня, и я посмотрела в глаза Данилу.

– Агат! – он спрыгнул с мопеда. – Езжайте, ребят. Позже увидимся!

Я была удивлена. Он ещё не знал деталей моего плана, а уже был уверен, что раз встретил меня, то друзья ему уже не понадобятся. Товарищи Дани уехали, а я засунула руки в задние карманы джинс.

– Как дела? Мама сказала, что встретила тебя у качелей. Мы заехали, но тебя там уже не было. – протараторил Даня.

– У меня есть к тебе предложение. – сказала я, молясь, чтобы щеки успокоились и не горели так сильно. – Ты научил меня своему хобби, а я... я хотела бы кое-чему научить тебя.

Даня так и уставился на меня, не веря собственным ушам. Хотелось сорвать лопух и надавать ему по щекам, чтобы вернуть в чувство.

– Я не ослышался? – наконец, спросил он.

Дурацкая затея.

– Все, я пошла. – буркнула я и сделала шаг вперед, но Даня перегородил дорогу.

– Стой! Агат, я с удовольствием. Ты меня заинтриговала, если честно. – сказал он, размахивая руками.

– Ладно, тогда пойдем. Но учти – об увиденном ни слова. Никому! – со всей серьезностью обратилась я.

– Можешь на меня рассчитывать! Ну же, пойдем!

Не знаю, почему я решила разделить свое хобби именно с ним. И почему так хорошо стало на душе, стоило увидеть его на этой тропе. Я просто улыбнулась, глядя под ноги, и повела Даню в сторону своего дома.

– Думала над тем, что произошло у ведьмы? – спросил он.

– Нет и не собираюсь. Поднялся ветер, вот дверь и распахнулась. Да и мало у нас что ли бродячих и бездомных, кто мог бы забраться в заброшенный ничейный дом? – ответила я. Даня скептически посмотрел на меня, но оставил вопрос закрытым.

Мы брели, обсуждая все на свете: от поведения лягушек в естественной среде обитания до любимых сладостей. Даня казался настолько простым, но при этом разговор с ним значительно отличался от диалогов с Виталей или Димой. Я точно не знала, как описать это различие, но с пацанами я чувствовала себя *пацаном*, а с Даней – девушкой, ведущей приятную беседу.

– Когда у тебя день рождения? – спросила я, хоть и не верила в гороскопы, но дедушка все равно каждый месяц мне озвучивал прогноз Козерогам из сканвордов.

– Двадцатого февраля. А у тебя?

– Пятнадцатого января. – сказала я, проворачивая махинацию с нашей старой калиткой.

– Серьезно?! – удивился Даня.

– А что? В этот день рождаются демоны или типа того? – хохотнула я.

– Не исключаю, – засмеялся в ответ Даня, – но вот какое дело, у моей мамы день рождения пятнадцатого июля, и отец всю жизнь звал её сердцем лета. И вот, выходит, что ты – самое сердце зимы.

– Хм... – задумалась я. Отчего-то в груди все замерло, а пальцы онемели. – Звучит красиво. И холодно.

– Может, ты такая и есть. Холодное зимнее сердце. – философствовал Даня.

– Подумай над своими словами ещё раз, и прежде чем повторить их, повнимательнее приглядишься к бензопиле у сарая. – сказала я, впуская его на участок.

– Все, буду хранить молчание, пока Снежная Королева не позволит мне вставить реплику. – склонился он, и я, фыркнув, протолкнула его вперед.

– Пойдем в сад. – подозвала я и пробежала под яблонями.

Вывела Даню к своей уличной мастерской. Он огляделся с неподдельным восторгом.

– Вау! Эпоксидная смола? Значит, те сережки ты сделала сама?

Он помнил мои сережки?!

– Да. Хочешь, научу тебя чему-нибудь? – я похлопала по спинке стула, приглашая его сесть.

– Конечно! В Москве много мастерских, которые проводят открытые уроки и позволяют забрать с собой творения. Кстати, ты ведь покажешь мне свои работы?

– Посмотрим на твое поведение. – вздернула подбородок я. – Что бы ты хотел сделать, можно...

– Часы. Хочу сделать часы, можно? Подарю маме, а-то так и не придумал ей подарок ко дню рождения.

Мне так польстило его воодушевление, что я улыбнулась от уха до уха и побежала за всеми материалами в сарай. Принесла все и выложила на столе.

– Вот, держи этот кусок, – я положила перед ним дерево. – Сейчас будем шлифовать.

Покончив со шлифовкой, я расставила краски, Даня выбрал оттенки от синего до бирюзы и у нас получился плавный переход цветов от темного к светлому. Я выдала ему цифры и стрелки.

– Нужно просверлить дыру, пойдем в сарай, там есть розетка.

Даня проделал отверстие. Попутно работе он шутил или делился впечатлениями, так что я полностью расслабилась и позволила себе смеяться над его шутками, не думая о том, что сглупила, пригласив его сюда.

– Заливку делаем в два этапа, и обязательно надень маску. – сказала я, – Сначала до середины, потом до верха, чтобы избежать пузырей или вздутия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.